

Евлампиев И. И.
Два измерения
интерпретации*

1. Понятие интерпретации

Процедура интерпретации является одним из ключевых феноменов культуры. Ее можно обнаружить в любой сфере культуры, поскольку она практически тождественна процедуре *придания смысла* объекту культуры. Среди множества форм процедуры интерпретации можно выделить в качестве наиболее характерного образца акт речевого общения, в котором слушатель производит интерпретацию слов говорящего. Особенно наглядным этот процесс является в том случае, когда производится перевод смысла высказывания с одного языка на другой. Среди других форм интерпретации наиболее характерными являются: перевод содержания научных высказываний с языка одной научной теории на язык другой теории, придание смысла феномену одной культуры (особенно, исчезнувшей) в рамках представлений другой культуры, придание смысла историческому событию путем «перевода» его на язык современных исторических представлений.

Во всех этих случаях речь идет о том, что высказыванию или любому другому материальному носителю смысла (произведение искусства, историческое событие и т.д.), порожденному и наделенному смыслом в одной системе представлений, заново придается смысл в другой системе представлений. На первый взгляд ситуация интерпретации имеет существенно различный смысл в двух случаях: когда обе системы представлений доступны интерпретатору

* Автор выражает признательность проф. Вейкко Рантале, доктору Эрне Ош и сотрудникам отделения философии Университета города Тампере (Финляндия) за полезное обсуждение данной работы, состоявшееся на семинаре отделения философии в апреле 1996 г.

Работа выполнена в рамках программы, поддержанной Российским гуманитарным научным фондом, грант № 96-03-04455.

и когда он обладает только одной (своей собственной) системой представлений, в то время как другая остается только гипотетической. Первый случай реализуется, например тогда, когда физик пытается интерпретировать утверждения одной теории через систему представлений другой; второй — в том случае, когда археолог интерпретирует смысл найденных им элементов культуры погибшей цивилизации. Однако второй случай сводится к первому, поскольку и здесь интерпретируется объект *уже наделенный* некоторым «первичным» смыслом. При этом процесс интерпретации складывается из двух этапов. Сначала производится первичная интерпретация в рамках настолько общей системы представлений, что она способна охватить любой материальный объект, а уже затем производится интерпретация осмысленного объекта в рамках более жесткой системы, придающей объекту более определенный и богатый смысл. Например, археолог сначала формулирует суждение «эти черепки есть куски кувшина, сделанного человеком», а затем в рамках более сложной системы представлений придать более определенный смысл тому же объекту: «эти черепки — части священного сосуда, выполнявшего такую-то роль в религиозном культе». То же самое происходит в акте речевого общения: сначала слушатель должен опознать отдельные слова, придать им «локальный» смысл, чтобы затем придать смысл выражению в целом, а затем уже рассмотреть выражение с точки зрения его соответствия представлениям слушателя об объекте высказывания (т.е. здесь можно выделить даже более двух этапов интерпретации).

Таким образом, основная схема процедуры интерпретации заключается в том, что первоначальное смысловое определение некоторого объекта обогащается или замещается другим смысловым определением, осуществляемым в рамках более богатой системы представлений. Имея в виду эту общую схему, я попытаюсь проанализировать особенности интерпретации в той сфере, где ее структура является наиболее простой — в науке. Затем будет показано, что в общем случае процедура интерпретации включает две составляющие, только одна из которых действует в науке. При этом главное внимание будет направлено не на формально-логическую структуру процедуры интерпретации, а на характеристику тех актов сознания, которые лежат в ее основе; в этом смысле дальнейший анализ можно назвать *феноменологическим*

(в смысле Гуссерля).

2. Структура процесса интерпретации в науке

Для того, чтобы сделать анализ более конкретным и наглядным я возьму конкретный пример — переход от описания явлений в классической механике к их описанию в квантовой теории. Этот пример часто рассматривается в современной литературе, однако я несколько усложню его. Поскольку сама классическая механика существенно меняла свою форму в процессе исторического развития, я буду рассматривать в качестве различных систем интерпретации две формулировки классической механики — формулировку с использованием дифференциального исчисления (в дальнейшем — механика Эйлера) и формулировку с помощью вариационных методов (в дальнейшем — механика Гамильтона).

Таким образом, имеется три различных теоретических системы, каждая из которых по своему описывает каждое конкретное физическое явление. Переход от одного из описаний к другому и составляет суть процедуры интерпретации. При переходе от механики Эйлера к механике Гамильтона «перевод» базисных принципов является взаимно однозначным и почти тривиальным. В то же время при переходе от классической механики к квантовой преобразование базисных принципов не является однозначным; в этом случае перевод утверждений одной теории в утверждения другой теории является «условным», *объясняющим переводом*¹. Это означает, что при формально-логическом подходе только второй случай является содержательным, в то время как первый оказывается чистой тавтологией.

Однако, если рассматривать структуру процесса интерпретации с феноменологической точки зрения, то оба этих случая оказываются *в равной степени нетривиальными*, поскольку в основе обоих лежат самостоятельные творческие акты сознания, изменяющие смысл описываемых фактов. Для того, чтобы проанализировать эти акты и

¹ См.: Rantala V. Explanatory Translation and Conceptual Change // Methods of Reading: Proceedings of the International Conference. Tampere. 1995.

выявить элементы их единства и различия, необходимо прежде всего решить принципиальную проблему о соотношении фактов и теоретических понятий. Здесь я воспользуюсь результатами работ Эрнста Кассирера и, в первую очередь, результатами его ранней книги «Понятие о субстанции и понятие о функции» (1910).

Кассирер утверждает, что развитие науки неизбежно требует радикального пересмотра наших представлений о сущности и роли *понятия*. Начиная с Аристотеля в науке и логике господствовала концепция «*понятий-субстанций*». Понятие понималось здесь как непосредственное отражение некоторой сущности (субстанции), содержащейся в каждом из явлений, принадлежащих к области определения понятия. В этой концепции предполагается, что набор эмпирических фактов является в эпистемологическом плане первичным по отношению к теоретическим понятиям, которые просто «экстрагируют» из фактов их общее, тождественное содержание.

Очевидно, что эта концепция сталкивается с почти неразрешимыми трудностями при объяснении математических понятий. Такие понятия как «точка» и «прямая линия» невозможно считать простыми обобщениями реальных эмпирических явлений, их невозможно считать отражением некоторых реальных «субстанций», содержащихся в вещах. Тем не менее вплоть до конца XIX века в науке продолжало господствовать убеждение, что основные теоретические понятия можно понимать как описание некоторых общих сущностей, присутствующих в явлениях. В этом случае, например, понятие «электрический заряд» есть отражение реально существующего качества, присутствующего в каждом заряженном объекте.

Кассирер убедительно доказывает в своей книге, что развитие науки в XX веке опровергло концепцию «*понятий-субстанций*». Правильно объяснить познание можно только на основании совершенно иной концепции — концепции «*понятий-функций*». Каждое теоретическое понятие необходимо понимать как форму *координации* отдельных фактов, причем, включая факты в некоторую сложную систему координаций, каждое понятие придает этим фактам совершенно новый смысл, которого они не имели, находясь вне этой системы. Соответственно, включение одного и того же факта в разные теоретические системы (т.е. использование для его

интерпретации различных систем понятий) приводит к приданию ему совершенно различного смысла. Так, опыт Майкельсона в классической физике означает отсутствие эфирного ветра при движении Земли; в то же время в рамках релятивистской картины мира он означает равноправие двух систем отсчета: той, которая связана с Землей, и той, которая связана с небом неподвижных звезд.

В рамках концепции «понятий-функций» теоретические понятия оказываются первичными по отношению к фактам, именно понятия определяют содержание фактов, устанавливая их место в сложной системе координаций *всех возможных* явлений данного уровня. В этом смысле понятие «электрический заряд» это не описание общей сущности, а некоторая система координации, сетка отношений между всеми фактами «электрического» типа. При этом принадлежность факта к данному типу определяется не *до* его включения в указанную систему координаций, а *после*, как результат такого включения.

Очевидно, что интерпретация высказывания о фактах, сделанного в одной теоретической системе, на языке другой теоретической системы, заключается в замене существующих систем координации фактов на новые. Анализ истории науки, проводимый Кассирером, показывает, что введение новых теоретических представлений всегда связано с переходом к *более универсальным и всеобъемлющим* системам координации. При этом смысл, придаваемый факту, все в меньшей степени является его собственным, «внутренним» смыслом и во все большей степени становится «внешним» смыслом, который целиком сводится к *внешним системам отношений* данного факта с другими фактами. Например, в качественной физике Аристотеля каждое явление обладает своей *внутренней* сущностью и требует *особого* описания, в то же время в физике Ньютона явления почти полностью лишаются внутренней сущности (она сводится к единственной характеристике массы) и превращаются в системы материальных точек, т.е. в системы внешних отношений мест в пространстве. Описания различных явлений становятся здесь совершенно однотипными, а понятия абсолютного пространства и абсолютного времени выступают как универсальные системы координации всех возможных механических явлений.

Теперь можно выяснить, в чем заключается нетривиальность перевода описания явлений при переходе от одной формы

классической механики к другой. В механике Эйлера описание каждого механического явления осуществляется с помощью нескольких независимых рядов координации: по пространственному положению, по времени, по динамическим характеристикам (величина импульса и т.д.). В механике Гамильтона несколько независимых рядов координации объединяются в одну более сложную, но и более целостную и универсальную систему, задаваемую понятием *многомерного фазового пространства* (для механической системы из N частиц это пространство имеет $6N$ измерений; каждая точка в нем соответствует отдельному состоянию системы и задается с помощью $6N$ параметров — пространственных координат и компонентов импульсов всех частиц). При этом механика Гамильтона не отменяет основных положений механики Эйлера, она только надстраивает над системой понятий последней более общие системы координации, которые придают описанию явлений *большую целостность*, ставят каждый факт в *более жесткие* системы зависимостей с другими фактами. Именно поэтому переход от механики Эйлера к механике Гамильтона не является тавтологичным, а содержит очень важные содержательные изменения. Неэквивалентность двух формулировок классической механики проявляется особенно ясно в том, что только от механики Гамильтона можно осуществить достаточно естественный переход к квантовой механике, при этом фазовое пространство преобразуется в бесконечномерное пространство волновых функций, описывающих систему.

При переходе от одной формулировки классической механики к другой не происходит никакого изменения базисных принципов описания. Переход к квантовой механике ведет к более существенным изменениям. Здесь не просто *добавляются* новые системы координаций, а осуществляется *замена всей системы используемых понятий*. Например, понятия «пространственное положение» и «импульс» перестают быть «законными» понятиями, придающими факту однозначный смысл. Если мы определим импульс квантового объекта, то его пространственное положение уже не может быть однозначно задано; это означает, что понятие «пространственное положение», уже не способно поставить данный факт в соответствующую систему координаций. Только новые теоретические понятия — понятия бесконечномерного пространства

состояний, волновой функции системы и т.д. — выполняют задачу полной и универсальной координации фактов.

Здесь возникает проблема, имеющая первостепенное значение для понимания процедуры интерпретации во всех сферах культуры. Та новая система понятий, которую вводит квантовая механика, оказывается несовместимой не только с теоретическими понятиями классической физики, но и с теми «обыденными» понятиями, которые задают смысловую интерпретацию фактов в структуре нашего *жизненного мира*.

3. Интерпретация в науке и жизненный мир

Рассматривая проблему интерпретации, необходимо учесть важный момент, о котором уже говорилось выше. Те факты, интерпретацию которых мы осуществляем в научной теории, всегда уже обладают некоторой «минимальной» смысловой определенностью, которая задается их включенностью в структуру жизненного мира. Например, независимо от того, в рамках какой научной теории мы интерпретируем результат опыта Майкельсона, этот результат должен быть зафиксирован как элемент жизненного мира: «я вижу фотопластинку с чередующимися темными и светлыми полосами» (результат интерференции пучков света в интерферометре Майкельсона).

С учетом этого момента структура процесса интерпретации может быть описана следующим образом. Наше сознание прежде всего подвергает *интуитивной, не контролируемой рассудком*, интерпретации хаос чувственных элементов, лежащих в основе любого акта восприятия. Результатом этого уровня интерпретации является формирование того жизненного мира, который дан каждому человеку в его непосредственном восприятии. Затем над этим первым уровнем интерпретации надстраивается второй, который определяется теоретическими понятиями науки и который уже явно контролируется сознанием и приводит к формированию *научной картины мира*, модифицирующей структуру жизненного мира. Эта модификация заключается в том, что над частными и ограниченными системами координаций, определяющими структуру жизненного мира, надстраиваются более общие и более жесткие системы координаций, обеспечивающие большую целостность теоретического описания. Например, на место двух систем координаций, задаваемых

перцептивными структурами пространства и времени, теория относительности ставит единую, более общую структуру пространства-времени Минковского.

Замена старых теоретических систем на новые — это изменение систем координаций между фактами, уже проинтерпретированными в структуре жизненного мира. Этот процесс имел бы простое и естественное продолжение, если бы не происходил *конфликт интерпретаций*. В тех случаях такого конфликта, когда новая система координации фактов требует отмены старой *теоретической* системы, этот процесс происходит достаточно безболезненно (так произошел отказ от понятий эфира, абсолютного пространства и абсолютного времени и т.д.). Но как быть в тех случаях, когда новая теоретическая система требует отмены тех систем координации, которые определяют структуру жизненного мира? Уже создание теории относительности давало повод поставить эту проблему, но свою подлинную остроту она получила после возникновения квантовой механики. Как целостная теоретическая система, квантовая механика определяет такие формы координации первичного материала опыта, которые невозможно согласовать с интуитивной интерпретацией, определяющей жизненный мир субъекта.

С точки зрения рассмотренной выше концепции «понятий-функций» нет никакой разницы между рациональными моделями сознания, задающими в процессе интуитивной интерпретации структуру жизненного мира, и абстрактными теоретическими моделями, формирующими теоретическую (квантовую) картину мира. Поэтому противоречие между интуитивными моделями жизненного мира и теоретическими моделями квантовой механики, казалось бы, должно быть решено в пользу последних, поскольку они дают более универсальные системы координации, позволяющие придавать смысл всем возможным фактам. Это означает, что человечество после создания квантовой механики должно как бы «отучиться» видеть мир таким, как он предстает в обыденном восприятии, и научиться воспринимать его в той парадоксальной для нашей интуиции форме, которая определяется теоретической моделью квантовой механики.

Нелепость этого вывода очевидна. Каждый из нас несколько не сомневается в абсолютном неравноправии жизненного мира и

теоретической модели мира, создаваемой научной теорией. Абсолютный приоритет жизненного мира вынуждена признать и сама квантовая теория; это следует из того фундаментального значения, которое имеет в ней *принцип редукции* квантового состояния. В соответствии с ним точное и строгое математическое описание явления в ситуации, когда человек осуществляет наблюдение, должно быть разрушено и сведено (по определенным правилам) к описанию того же явления в рамках системы понятий жизненного мира (макроскопической действительности).

Абсолютный приоритет жизненного мира над всеми теоретическими моделями науки означает, что процедура интуитивной интерпретации, определяющая структуру жизненного мира, *радикально отличается* от процедуры интерпретации фактов в научной теории. И наиболее простой способ описать это различие заключается в предположении, что процедура интуитивной интерпретации включает *две противоположных составляющих*: одна из них по своему феноменологическому статусу тождественна интерпретации в научной теории, другая носит совершенно иной характер. Попытаемся выявить и проанализировать эту вторую составляющую.

4. Два измерения интерпретации

Еще раз внимательно всмотримся в проблему «жизненного мира». В чем суть противоречия между обыденным восприятием мира, связанным с действием нашей чувственной интуиции и его теоретическим освоением с помощью абстрактных моделей науки? В том, что теоретическое познание умаляет значение всего отдельного, единичного, индивидуального, растворяет это значение в системах абстрактных отношений. Напротив, наше обыденное восприятие в значительной степени ориентировано на индивидуальное и придает *непреходящую ценность* именно индивидуальному, отдельному. Ребенок, который не хочет расставаться со старой, истрепанной игрушкой, придавая ей абсолютную ценность, кажется для взрослого смешным, однако на самом деле это убеждение ребенка является просто предельным выражением универсального свойства, присущего сознанию, — способности придавать особую ценность

отдельным объектам и явлениям, словно концентрирующим в себе значение и ценность всей реальности.

Тот факт, что теоретическое естествознание в своем развитии постепенно нивелирует самобытное значение отдельных объектов и во все большей степени опирается на всеобщие структуры отношений, выявляющие «однородную» целостность реальности, означает, что в сфере науки мы делаем акцент на одном фундаментальном качестве реальности, отодвигая в тень другое.

Чтобы понять и объяснить полноту и богатство реальности, необходимо предположить, что жизненный мир представляет собой результат совместного действия *многих* независимых и существенно различных функций сознания, интерпретирующих исходную «материю» опыта. Именно эта плодотворная идея стала основой той философии культуры, которую Эрнст Кассирер развивал в своих поздних работах (особенно в трехтомном труде «Философия символических форм»). Кассирер называет указанные функции сознания *символическими формами*.

Феноменологический анализ всего богатства феноменов культуры сводится при этом к анализу структуры символических форм. Однако по отношению к рассматриваемой здесь проблеме интерпретации более важное значение имеет другая идея, сформулированная Кассирером. Рассматривая *генезис* самих символических форм и их глубинные *истоки* в деятельности сознания, Кассирер приходит к выводу, что все символические формы являются синтезом двух фундаментальных функций сознания, которые и задают два измерения интерпретации.

Первая из этих функций была проанализирована выше, она господствует в науке. Попытаемся найти наиболее яркие проявления второй функции.

На первый взгляд кажется, что соответствующая фундаментальная способность сознания должна быть полностью противоположной способности к конструированию рациональных моделей (понятий) поскольку последние «нигилируют» индивидуальность объекта или явления (в данном случае несущественно, что это «нигилирование» имеет различный смысл в аристотелевской теории понятий-субстанций и в кассиреровской теории понятий-функций). Казалось бы, признание неустранимой ценности индивидуального может быть достигнуто только за счет

радикального разрушения основ рационализма (что пытались сделать такие его радикальные критики как С. Кьеркегор и Ф. Ницше). Однако в своих философских трудах Кассирер находит то звено, в котором происходит «развоплощение» всеобщности понятий и через которое в систему рациональных познавательных моделей совершенно естественным образом встраиваются элементы, позволяющие, *не отказываясь от рациональных структур*, схватывать (конструировать) характеристику неповторимой индивидуальности. Это звено — *метафора*.

По Кассиреру, метафора это не вторичное явление в сфере культуры; понятая в ее *метафизической* функции, метафора — это *источник* и *основа* всех важнейших феноменов человеческой культуры и в первую очередь древнейших из них — языка и мифа. Первоначальный хаос «материи» чувственного восприятия оформляется нашим сознанием в реальное восприятие жизненного мира с помощью двух основополагающих функций, или актов, — логически-дискурсивного, наиболее полно реализующегося в системе научных понятий, и метафорического («лингво-мифологического», по выражению Кассирера), имеющего развернутое воплощение в языке и мифе. Наиболее наглядно особенности каждой из функций проявляются в их противопоставлении друг другу. «Понятия логически-дискурсивные берут свое начало в индивидуальном восприятии, которое, углубляясь и вступая во все новые отношения, выходит за пределы первоначальных границ. В этом можно видеть интеллектуальный процесс синтетической дополнительности, объединения отдельного и общего, с последующим растворением отдельного в общем»¹. В этом процессе отдельное не исчезает совсем, оно сохраняется внутри общего как его четко выделенный элемент, однако самое главное, что при этом совершенно теряется *его внутренняя специфичность, его индивидуальная значимость, невыводимая из заданной системы общих понятий*. Отдельное в структуре общего — это просто пустое место для подстановки любого индивида, просто абстрактное «нечто».

¹ Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С.37. «Сила метафоры» — глава из книги Кассирера «Sprache und Mythe», Leipzig—Berlin, 1925.

Если же мы рассмотрим специфику первобытных языковых и мифологических представлений (лишенных еще влияния бурно развивающейся логически-дискурсивной функции), то здесь, по Кассиреру, обнаруживается противоположная тенденция мышления. «В одном случае речь идет о концентрическом расширении круга представлений и понятий; между тем как во втором случае мы сталкиваемся с противоположным явлением: представление не расширяется, а спрессовывается, сводится в одну точку. В этом процессе отфильтровывается некая сущность, некий экстракт, который и выводится в “значение”. Весь свет концентрируется в *одной* точке, в фокусе значения, в то время как все, лежащее за пределами фокуса языкового и мифологического понятия, как бы остается невидимым. Оно оказывается “незамеченным”, поскольку (или пока) не наделяется языковым или мифологическим “признаком”. В понятийном пространстве логики господствует ровный, в известной мере диффузный свет — и чем дальше продвигается логический анализ, тем шире этот равномерный свет распространяется. В понятийном пространстве мифа и языка, однако, соседствуют места, излучающие интенсивный свет и окутанные тьмой»¹.

Это резкое противостояние «света» и «тьмы» и является основой отражения индивидуальности, абсолютно значимой в себе самой и не поддающейся количественным степеням сравнения. Специфика научного понятия состоит в том, что оно охватывает все возможные аналогичные случаи и поэтому не отдает предпочтения ни одному из них, здесь важно равноправие каждого факта перед лицом закона как всеобщей системы отношений, связывающей факты в единство. Наоборот, в мифе и языке (в первую очередь, конечно, здесь имеется в виду праязык, еще лишенный следов воздействия логически-дискурсивной функции мышления) система значений имеет дискретный и неоднородный характер, — отдельные «факты» приобретают абсолютную ценность, выделяющую их не только на фоне аналогичных «фактов», но и на фоне всей полноты реальности, как таковой; эта абсолютная выделенность фиксируется в категории

¹ Там же.

священного, которая составляет основу как структуры языка, так и структуры мифа.

Анализ языковой («вторичной») метафоры подтверждает высказанную идею о фундаментальном значении метафизической метафоричности сознания в «структурировании» нашего жизненного мира. Несмотря на наличие совершенно различных подходов к определению сущности языковой метафоры, можно утверждать, что ее смысл — в установлении уникальной характеристики объекта. Подведение объекта под определенное понятие, например в высказывании «это — книга», характеризует его как безликого представителя класса, а не как индивидуальную сущность. Развитие системы математических понятий (понятий-функций) позволяет дать гибкую количественную шкалу отношений, через которую определяются различия индивидуальных объектов внутри класса, однако указанные различия задаются сугубо внешним образом при полном игнорировании значения самого объекта как обладающего самостоятельной ценностью. Например, если мы в математическом смысле уточним понятие книги через задание точной трехмерной геометрической формы соответствующего объекта, то мы тем самым поставим «книгу» в один ряд со всеми другими трехмерными объектами реальности и, сделав различие между ними чисто количественными, полностью устраним внутреннюю уникальность данного конкретного объекта. Наоборот, если произвести уточнение понятия с помощью метафоры, например, через высказывание «эта книга — целая вселенная знаний», — то здесь движение происходит в противоположном направлении: объект (книга) не только выпадает из всех возможных количественных рядов сравнения, но и приобретает уникальный смысл, не вмещаемый в исходные логически точные определения понятий, составляющих метафору (понятия «книга», «вселенная»). При метафорическом «уточнении» определения объекта его содержание становится все в большей степени уникальным, неповторимым, конкретным¹.

Важно подчеркнуть, что выделенная функция метафоры, как

¹ Аналогичную точку зрения на природу и функции метафоры высказывал Х.Ортега-и-Гассет; см. например: *Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры*. М., 1991, с. 93-112.

способа уйти от всеобщности понятия и приблизиться к адекватному выражению индивидуальной уникальности отдельных элементов мира и всей реальности в целом, не является вторичной по отношению к логически-дискурсивной функции, ответственной за создание самих понятий. Эти функции обладают полным равноправием и независимостью друг от друга, более того из анализа самых ранних форм человеческой культуры — мифа и языка — можно прийти к выводу, что функция «метафорического мышления» (этот термин использует сам Кассирер) более фундаментальна и в метафизическом плане обладает определенным приоритетом по отношению к функции логически-дискурсивного мышления (т. е. по отношению к функции рассудка). Ведь формирование понятий предполагает их фиксацию в языке, но сам язык возникает на основе исходной, метафизической метафоричности сознания, производящего расчленение исходного хаоса «материи» чувственного опыта, выделяющего самостоятельные центры значения в этом хаосе и концентрирующего смысловой «свет» в этих центрах. Именно в силу этого приоритета возникающий язык, как и миф, основан на фундаментальных оппозициях «священное—профанное», «(абсолютно) ценное—неценное», а не на традиционных для логически-дискурсивного мышления оппозициях «истинное—ложное», «частное—всеобщее», «осмысленное—бессмысленное». Только постепенное развитие логически-дискурсивной функции сознания и ее внедрение (совершенно естественное и плодотворное) в язык приводит к преобразованию последнего. В конечном счете, акценты смещаются на противоположные, и в структуре языков современных европейских культур явным приоритетом обладает именно вторая функция, в то время как первая выявляется только через творческое усилие языковых («вторичных») метафор.

Таким образом, жизненный мир определяется совместным действием двух функций сознания, осуществляющих интерпретацию исходной «материи» чувственного опыта. Эта интерпретация носит интуитивный характер и ее структура недоступна непосредственному рефлексивному анализу сознания. Тем не менее наличие двух измерений в структуре указанной интуитивной интерпретации становится явным по мере развития культуры. Одно из этих измерений обособляется и становится господствующим в науке,

второе — в искусстве. По мере своего развития наука осуществляет все более сложные процедуры интерпретации явлений жизненного мира, причем главный смысл этих интерпретаций — все большая унификация явлений, устранение их внутреннего, самобытного содержания, сведение всей совокупности явлений к набору однотипных простых элементов (материальных точек, атомов молекул, элементарных частиц и т. д.), связанных между собой единой системой внешних отношений.

В противоположность этому в искусстве происходит противоположный процесс. Каждое произведение искусства осуществляет реинтерпретацию явлений жизненного мира таким образом, что эти явления приобретают *абсолютную* уникальность, полностью выпадают из ряда однотипных явлений и становятся «священными» объектами, обладающими *бесконечным внутренним содержанием*. Например, рваный ботинок и сломанный стул, которые в нашем обыденном восприятии не имеют никакого особого значения в ряду аналогичных им объектов, на картине Ван Гога становятся уникальными объектами, внутренний смысл которых предстоит разгадывать каждому зрителю.

Впрочем, искусство является более сложным явлением, чем наука. В науке господство логически-дискурсивной функции сознания является полным и определенным. В то же время в искусстве (особенно в тех его сферах, где используется язык) вторая, «индивидуализирующая» функция всегда действует в сочетании с первой (в форме метафоры). Это приводит к тому, что структура процедуры интерпретации в искусстве является гораздо более сложной, и требует для своего прояснения гораздо более сложного анализа.